

Смотря на то, как Сяо Сюаньвэй изматывает себя до предела, как угасает от тяжелой болезни, как шаг за шагом приближается к вратам смерти —

Его Пятый дядя ведь не должен был так жить!

Жизнь его Пятого дяди и без того была на счету, каждый день мог стать последним.

Все это из-за их эгоизма, из-за того, что они невольно взвалили на плечи Цзи Цзиньжуна груз собственных чаяний.

Цзи Цзиньжун больше болел, чем бодрствовал, не мог выносить яркого летнего солнца, не мог любоваться зимним снегом. Весь его мир ограничивался стенами императорского дворца и запретного сада.

Он видел лишь то, что видели они, приходя извне.

И вот, тревоги, что мучили их, стали тревогами Цзи Цзиньжуна, а их надежды — его надеждами.

Сяо Сюаньвэй с трудом сдерживал слезы:

— Я все вижу, я все понимаю, Пятый дядя, тебе не нужно было через это проходить.

Его Пятый дядя должен был спокойно поправлять здоровье, беречь себя, ездить, куда захочется, пробовать любые лакомства, жить легко и счастливо. Какое ему дело до государственных дел, какое ему дело до народа? Его жизнь была вырвана из рук самого владыки преисподней!

Цзи Цзиньжун протянул руку и потрепал Сяо Сюаньвэя по голове. Тот не выдержал и крепко обнял его.

Чжэньнань-ван, наблюдавший за ними со стороны, почувствовал, как у него нестерпимо зачесались руки. Очень, очень сильно зачесались.

Заметив, что Чжэньнань-ван снова готов вышвырнуть мальчишку прочь, Цзи Цзиньжун с улыбкой попросил Сяо Сюаньвэя сесть смирно.

— Пятый дядя, я уже все устроил для фестиваля еды, — радостно доложил Сяо Сюаньвэй. — Через два дня уже можно будет отведать деликатесы со всех концов света!

Цзи Цзиньжун немного беспокоился, не слишком ли это расточительно.

Чжэньнань-ван возразил:

— Разве еда может быть расточительством? Столица — самое процветающее место в мире, неужели здесь не найдется достаточно провизии? Вместо того чтобы переживать о тратах, лучше побеспокойся, как бы еды хватило на всех простолюдинов и вельмож, которые придут поглазеть!

Цзи Цзиньжун не смог сдержать улыбку. И правда, когда речь идет о еде, о расточительстве

можно не думать.

Блюда на фестивале готовятся не только для него одного. Он может попробовать что-то новое, другие — тоже. К тому же, это отличный повод для всех областей показать себя. Даже самый суровый цензор не посмеет ткнуть в него пальцем и обвинить в разврате и излишествах.

Цзи Цзиньжун больше не стал спорить. Он чувствовал искреннюю заботу Чжэньнань-вана и Сяо Сюаньвэя и не хотел отвергать их добрые намерения.

Сяо Сюаньвэй, прикрываясь обсуждением важных дел, наотрез отказывался уходить. Так он просидел до самой полуночи. Лицо Чжэньнань-вана почернело настолько, что смотреть было страшно.

Сяо Сюаньвэй, как говорится, непуганый теленок, бросил на него косой взгляд и бесстрашно выпалил:

— Пятый дядя, я сегодня останусь ночевать у тебя!

Чжэньнань-ван, потеряв терпение, просто поднял Сяо Сюаньвэя в воздух.

— Отпусти меня! — отбиваясь, закричал Сяо Сюаньвэй. — Вэй Тинцзюнь, не думай, что сможешь вечно единолично владеть Пятым дядей!

У Чжэньнань-вана снова зачесались руки.

Видя, что дело идет к драке, Цзи Цзиньжун встал, вытолкнул обоих за дверь и с грохотом ее захлопнул.

Выставил обоих. С глаз долой — из сердца вон.

Оказавшись снаружи, Чжэньнань-ван и Сяо Сюаньвэй переглянулись и, больше не церемонясь, сошлись в схватке прямо на площади перед дворцом.

Чжэньнань-ван не сдерживался, и Сяо Сюаньвэй был разбит в пух и прах. Но характер у того был упрямый: несмотря на разбитое лицо и синяки, он продолжал отчаянно сопротивляться.

Чжэньнань-ван, сбросив напряжение, ударом ладони уложил Сяо Сюаньвэя без сознания и велел страже отнести его в свои покои.

Вернувшись, Чжэньнань-ван нырнул под одеяло к Цзи Цзиньжуну. Тот почувствовал исходящий от него жар и, повернувшись, уткнулся в его грудь.

— Сюаньвэй еще ребенок, не бей его слишком сильно, — тихо сказал он.

— Я знаю меру, — ответил Чжэньнань-ван и, ревниво прижав его к себе, добавил: — Я знаю, что Ваше Величество будете жалеть его.

Цзи Цзиньжун замер.

По сравнению с крепким, как скала, Чжэньнань-ваном, он действительно жалел юного Сяо Сюаньвэя.

Он смотрел на грудь Чжэньнань-вана, покрытую перекрещивающимися шрамами. Они не исчезли спустя столько лет, напоминая о том, как тяжело он был ранен. Разве кто-то рождается с огрубевшей кожей? Каждый ребенок — сокровище для своих родителей, их берегут, и любая царапина причиняет боль. Но некоторым приходится слишком рано учиться противостоять жестокости мира в одиночку.

Цзи Цзиньжун нежно поцеловал самый глубокий шрам на плече Чжэньнань-вана. Тот вздрогнул, чувствуя, как по телу разливается жар.

— Ваше Величество... — прошептал он, не в силах скрыть волнение.

Цзи Цзиньжун обнял его, поднял голову, коснулся губами его губ и прошептал:

— Тебя мне тоже жаль.

Чжэньнань-ван крепко прижал его к себе.

На следующее утро доложили:

— Князь, наследник князя Янь поклялся, что победит вас.

Чжэньнань-ван, пребывая в отличном настроении, усмехнулся:

— Что ж, я подожду, пока он это сделает.

Время пролетело незаметно — минуло пять лет.

Сяо Сюаньвэй достиг совершеннолетия. Чтобы во всем превзойти Чжэньнань-вана, он вместе с Чжансунь Мэном отправился на север. В свите была целая группа учителей, приставленных Цзи Цзиньжуном — а по сути, «мозговой центр», который через несколько лет назовут столпами империи.

Сяо Сюаньвэй одержал победу в сражении, захватил много скота и приказал отправить его в столицу. Приближался очередной фестиваль еды, и все знали: как бы ни был занят этот юный генерал, он обязательно вернется в столицу, чтобы помочь своему дяде-императору организовать праздник.

К этому времени при дворе все уже знали о пристрастиях Цзи Цзиньжуна. Если в чьем-то доме случайно получалось приготовить что-то вкусное, первой мыслью было: Быстрее! Сделайте еще, запишите рецепт, я поднесу это Его Величеству! Конечно, никто не ждал, что за это их возвысят, люди просто хотели порадовать императора.

Закончив дела, Сяо Сюаньвэй сразу отправился во дворец.

Цзи Цзиньжун подрос, но по сравнению с Чжэньнань-ваном или Сяо Сюаньвэем все еще казался хрупким. Он любил поесть, но не был обжорой, увлекался стрельбой из лука и поло,

поэтому, сколько бы деликатесов ему ни приносили, он оставался таким же стройным.

Сяо Сюаньвэй с каменным лицом, но в голосе с ноткой жалости произнес:

— Пятый дядя, ты стал еще хуже, чем в прошлый раз.

Цзи Цзиньжуну это показалось забавным, и он ущипнул Сяо Сюаньвэя за щеку. Мягкая, приятная на ощупь.

Сяо Сюаньвэй искоса взглянул на Чжэньнань-вана. Увидев, что тот снова помрачнел, он испытал тайное удовольствие. Он не только не увернулся, но и сам схватил руку Цзи Цзиньжуна, показывая, что тот может щипать сколько угодно.

Чжэньнань-вану нестерпимо хотелось вышвырнуть этого наглеца прочь!

Цзи Цзиньжун, конечно, заметил, как перекосило Чжэньнань-вана. С сожалением убрав руку, он стал расспрашивать о делах на севере.

— Говорят, наш фестиваль еды стал грандиозным событием, — сказал Сяо Сюаньвэй. — Даже послы западных и северных тюрков приехали следом за нами. Господин Хань поселил их совсем рядом, интересно, не перегрызлись ли они уже там!

Тюрки когда-то разделились на три части. Позже Фэй Ин взял под контроль старшего сына кагана, переманил его людей и основал столицу рядом с землями Силян, назвав это Западным Тюркским каганатом. Они постоянно теснили старого кагана, тот от гнева скончался, и трон занял младший сын, но теперь они назывались Северными Тюрками. Две ветви одного народа, накопив старые обиды, при встрече смотрели друг на друга как на кровных врагов.

Цзи Цзиньжун рассмеялся:

— Шичжи, как всегда, в своем репертуаре.

Хань Шичжи выглядел как утонченный книжник, но действовал совсем не по-книжному.

— Думаю, они приехали просить нас о помощи, — сказал Сяо Сюаньвэй. — Пятый дядя, ты согласишься?

Цзи Цзиньжун улыбнулся еще шире:

— Соглашусь. Почему бы и нет?

— Но я боюсь, что мы вырастим тигров...

— А я не боюсь.

Сяо Сюаньвэй с обожанием смотрел на него.

— У меня ведь есть вы, — добавил Цзи Цзиньжун.

Сердце Сяо Сюаньвэя забилось быстрее. И правда, ведь они рядом! Чего бояться? Если тюрки посмеют укунить руку, которая их кормит, он заставит их пожалеть об этом до конца жизни!

— Тогда кому мы поможем? — спросил он.

— А зачем выбирать?

Сяо Сюаньвэй замер, но быстро понял смысл. Зачем выбирать? Можно принять послов отдельно, дать обоим обещания, а потом нашептать каждой стороне о слабостях другой. Пусть вцепятся друг другу в глотки, пусть Западные бьют Северных, а Северные грабят Западных — разве это не забавно? А когда они обескровят друг друга, можно будет покончить с этими степными дикарями одним махом!

Глаза Сяо Сюаньвэя засияли:

— Пятый дядя, ты гений!

Цзи Цзиньжун лишь улыбнулся, не став больше ничего объяснять.

Чжэньнань-ван понимал все лучше других. Раньше Великая Ци и Силян, разрываясь между двумя огнями, были вынуждены униженно признавать власть тюркского кагана и просить о помощи. Тот всегда помогал слабым, чтобы подавлять сильных, стравливая их между собой. Тюркам даже не нужно было ничего делать — даже грабить не приходилось, правители Ци и Силян сами привозили в Хэйша красавиц, зерно и золото!

А теперь Цзи Цзиньжун полностью перевернул ситуацию. Срединная империя едина, тюрки расколоты. Пришло время платить по счетам.

Вскоре при дворе разнеслась потрясающая новость: Северные Тюрки возвращают Яньбэй!

Тот самый Яньбэй, оставленный предками! Бесплодные, но бескрайние земли! Суровая, но величественная Великая стена! Это был их, их Яньбэй!

Многие старые сановники рыдали, едва не теряя сознание от счастья.

Чжансунь Мэн нашел Хань Шичжи. Тот играл на цине.

Хань Шичжи, сидящий за инструментом, выглядел невероятно красиво. Чжансунь Мэн застыл на месте, вдыхая аромат благовоний. Ему казалось, что руки Хань Шичжи прекрасны, а музыка, которую он извлекает из струн, звучит божественно. Это была не та мелодия, которую он обычно любил, но она дарила душе удивительное спокойствие.

Дождавшись, пока Хань Шичжи закончит, Чжансунь Мэн широко шагнул к нему и сел рядом:

— Шичжи, ты рад? Тюрки вернули Яньбэй!

— Рад, — ответил Хань Шичжи, но без особого восторга.

Чжансунь Мэн схватил его за руку, оглядывая со всех сторон:

— Почему ты не радуешься, как те старики?

Хань Шичжи выдернул руку.

— Я давно догадался, что так и будет, поэтому не удивлен.

Чжансунь Мэн почувствовал пустоту в руках. Яньбэй вернули, будет ли теперь Хань Шичжи водиться с таким воякой, как он? Он помнил, как долгое время гражданские чиновники презирали военных, считая их безмозглыми грубиянами.

— Конечно, конечно, — с завистью проворчал он. — Ваши головы варят лучше, вы все можете предвидеть!

Хань Шичжи уловил нотки горечи в его голосе и, удивленно взглянув на него, встретился с его глазами. В глубине души Чжансунь Мэна клокотало пламя, которое он больше не мог сдерживать. Он снова схватил Хань Шичжи за руку, на этот раз крепко, не давая вырваться:

— Шичжи, мне страшно.

— Чего тебе бояться? — нахмурился Хань Шичжи.

— Яньбэй вернули, — голос Чжансунь Мэна дрожал. — Ты теперь перестанешь со мной общаться?

Лицо Хань Шичжи мгновенно вспыхнуло красным.

— От злости!

— Неужели ты думаешь, что наша дружба столько лет была притворством? — он вырвал руку. — Ты считаешь, что я сблизился с тобой только для того, чтобы ты отвоевал Яньбэй? В твоих глазах я такой человек — расчетливый интриган, который заводит друзей только ради выгоды?

Чжансунь Мэн был ошарашен. Увидев гнев и боль в глазах Хань Шичжи, он осознал, что своими подозрениями ранил его в самое сердце. Как бы умен ни был Хань Шичжи, ему едва исполнилось двадцать. Были вещи, которые он не хотел делать, люди, с которыми не хотел иметь дела, но ради Яньбэя, ради Великой Ци он был вынужден идти на это. Друзей, которым он мог довериться, было мало, а тут он, навязчивый «близкий друг», наговорил таких гадостей!

Чжансунь Мэн со всей силы влепил себе пощечину. Хань Шичжи замер.

Чжансунь Мэн, не останавливаясь, подскочил и крепко обнял его, бессвязно оправдываясь:

— Шичжи, я не то имел в виду, просто я чувствую себя таким никчемным. Я боюсь, что ты решишь, что я глупый и грубый, боюсь, что больше не смогу приходить к тебе, не увижу тебя, что ты перестанешь улыбаться мне — или даже ругать меня. Шичжи, прости меня, пожалуйста!

Хань Шичжи не хватало воздуха в его объятиях.

— Отпусти! — выдохнул он.

— Не отпущу! — упрямо повторил Чжансунь Мэн, прижимая его еще сильнее. — Пока не простишь!

Уши Хань Шичжи горели огнем.

Сяо Сюаньвэй, который хотел посоветоваться с Хань Шичжи, издали увидел эту двусмысленную сцену.

— ... — Сяо Сюаньвэй почувствовал, как его ранили. Очень глубоко ранили.

Заметив присутствие принца, Хань Шичжи безжалостно отпихнул Чжансунь Мэна. Сяо Сюаньвэю потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя. Хань Шичжи, быстро приняв невозмутимый вид, спросил:

— Ваше Высочество, зачем вы пожаловали?

Сяо Сюаньвэй молча сделал вид, что ничего не видел, и перешел к делам.

На следующее утро Сяо Сюаньвэй, не выдержав, примчался во дворец, чтобы поделиться «сплетней» с Цзи Цзиньжуном. Но тот еще спал, а Чжэньнань-ван, ничуть не смущаясь, поднялся с ложа и на глазах у него начал одеваться.

Сяо Сюаньвэй невольно взглянул на спящего Цзи Цзиньжуна. Весна была теплой, одеяло было тонким, и на обнаженных плечах и шее императора виднелись свежие «метки».

Сердце Сяо Сюаньвэя разбилось окончательно.

Чжэньнань-ван, накинув халат, подхватил его под локоть и выставил за дверь, усмехнувшись:

— Насмотрелся? Мал еще, не знаешь, что непристойное смотреть нельзя?

— Это ты принудил Пятого дядю! — крикнул Сяо Сюаньвэй. — Подожди, однажды я побегу тебя и твой Лагерь Черной Конницы!

Чжэньнань-ван рассмеялся:

— Хорошо, я и твой Пятый дядя будем ждать.

Он захлопнул дверь, отрезав Сяо Сюаньвэя от спальни.

Цзи Цзиньжун проснулся. Он сел и посмотрел на Чжэньнань-вана:

— Ты... не дразни его нарочно.

Чжэньнань-ван поцеловал его в губы и, по-злодейски передразнивая его заикание, ответил:

— Я... я не дразню его нарочно.

Цзи Цзиньжун пнул его ногой.

Чжэньнань-ван, не чувствуя боли, рассмеялся:

— Еще год или два, и мы позволим ему управлять государством. — Он обнял Цзи Цзиньжуна. — Тогда я смогу сопровождать Ваше Величество в странствиях по миру.

— Хорошо, — согласился Цзи Цзиньжун.

Весна первого года эры Цзяньань. Прошло тридцать пять лет с тех пор, как взошел на трон Первый император. В первые пятнадцать лет он усмирил южных варваров, Силян и тюрков.

В день, когда тюрки сдались, императору приснился предок, и он сменил девиз правления на «Чжоу», празднуя объединение Поднебесной.

Империя ликовала.

С тех пор император вместе с Чжэньнань-ваном странствовал по четырём сторонам света.

Наследный принц Сяо Сюаньвэй правил страной двадцать лет, когда ему приснился император, словно прощаясь.

Принц повел чиновников к месту из сна и увидел, как из морской дали приближается нечто колоссальное. Когда оно подошло достаточно близко, чтобы разглядеть людей на его спине, громадина остановилась.

Там, улыбаясь, стояли и махали им на прощание странствующие император и Чжэньнань-ван.

Не успели они сказать ни слова, как чудовище развернулось и ушло в морскую даль, исчезнув так, словно его никогда и не было.

Наследник горько плакал три дня и три ночи, не принимая пищи. На четвертый день он принял чиновников и, исполнив волю императора, взошел на престол.

В тот год в Поднебесной воцарились мир и покой.

А Цзи Цзиньжун и Вэй Тинцзюнь уже давно перенеслись в другое пространство.

Бежать! Бежать! Бежать!

Повсюду были бегущие аристократы. Дороги были усеяны дорогими одеждами и драгоценностями, но никто не осмеливался наклониться, чтобы поднять их — все боялись, что, остановившись, уже не смогут спастись.

Старый слуга с лицом, изборожденным морщинами, нес на спине десятилетнего мальчика, тайком покидая город на воловьей повозке.

Крепость Хэло, которую когда-то называли городом героев, стала «городом чумы», от которого все бежали.

Повозкой управляла внучка слуги, шестнадцатилетняя Каролин. Переодетая в крестьянку, она уверенно направляла волов по ухабистой дороге.

Они питались сухим пайком и ехали уже больше полумесяца. Мальчик спал, укрытый слугой,

не чувствуя тряски. Он спал уже целый месяц — не мог есть, но не исхудал, его лицо было даже румянее, чем у Каролин и ее деда.

Когда они подъехали к деревне, Каролин спрыгнула с повозки с озабоченным видом.

— Дедушка, — сказала она, — здесь может не оказаться врача.

— Тогда нужно найти теплое место, хотя бы с камином, — ответил старик.

Каролин промолчала. Она не стала разубеждать деда в его несбыточных мечтах. Многие аристократы в начале бегства тешили себя такими иллюзиями. Но она была другой — с детства росла дикаркой, искала приключений, и потому видела много вещей, которые были совсем не забавными.

Каролин оставила деда караулить повозку, а сама пошла в деревню. Она была девушкой миниатюрной, на вид лет четырнадцати-пятнадцати. Лицо у нее было красивое, даже в мужской одежде она выглядела привлекательно.

Обойдя несколько домов, она остановилась у того, что выходил на солнечную сторону.

Вскоре она договорилась с хозяевами: она будет помогать по дому, а им позволят пожить некоторое время. Подумав об избалованном «аристократе» в повозке, Каролин брезгливо скривила губы.

<http://bllate.org/book/22178/2310787>